

СПОР-КЛУБ В зрительном зале

Продолжаем разговор, начатый в прошлом номере «ЛГ» письмом таксиста Т. Р. «Почему я вышел из КСП».

РАЗРЕШИТЕ размежеваться. Разрешите! Раз-ме-же-вать-ся. Потому что не пепел пока что, но некий жареный петух стучит в мое сердце. Тревожно мне. Непокойно.

Долго я оглядывалась — не объявится ли какой-нибудь солидный дядя, бородастый, неторопливый, и всем все разъяснит про ЭТУ песню? Особенную, нежную, живучую, мускулистую, возможно, даже вечнозеленую ветвь нашей культуры... Дядя никакой не появился, и вот я сама взялась за это. Поговорить надо. Объясниться!

Это напрашивалось давно. Совсем не в связи с письмом Т. Р., водителя такси, работающего упругим пером опытного публициста. Теперь появилось такое письмо. Ну что ж, ладно. Тем проще объясняться. Потому что, хотя тов. Т. Р., как ни грустно, и прав почти во всем (есть и кое-какие натяжки — даже в самых, на первый взгляд, хлестко прописанных фрагментах: об исполнительском дилетантизме Окуджавы или об околокостровых разговорах на всевозможные темы, да не в них дело), хотя и справедлив, говоря, как снизился уровень слушателя, но...

Вот тут самое важное. Вот это надо заметить: он пишет о другом. Пишет о слушателе, о дилетантах-самоделщиках, а делает вид, что все это относится и к настоящим, неподдельным авторам, говорит о движении КСП — а вроде как получается, что умер жанр авторской песни. Не один Т. Р. совершает — вольно или невольно — такую подмену, не он один называет костровый самопал авторской песней. Потому и повторяю: разрешите размежеваться. Публично откеститься даже!

Ни свежей выпечки «бард» с нескладными виршами, ни сверхпопулярный герой нашего времени, оснащенный гитарой, не имеют к авторской поэтической песне никакого отношения. Их песня под гитару — совсем другая какая-то песня. Да они и сами, по-моему, уже об этом догадались и теперь уж позволяют себя и похлопать по плечу Высоцкого, и ухмыльнуться в адрес Окуджавы. У них другая жизнь, и другие законы у их корявого творчества. А тут еще и норовят примешать сюда же песню, коротко говоря, хаотическую, живущую вообще по совершенно другим правилам... Это вообще неграмотно и некстати.

Впрочем, откуда и взяться «грамоте»? Как разобраться сегодня людям, где настоящее, а где поддельное? Ну, человека понимающего выручат, конечно, культура и вкус. Но миллионы в неведении, и их регулярно снабжают суррогатами вместо настоящей калорийной песни.

Немножечко истории. Двадцать — двадцать пять лет назад авторская песня была очень авторитетна. Работали настоящие поэты: Окуджава, Ким, Галич, Новелла Матвеева, Высоцкий, Горюхицкий, Визбор... Еще раньше начал писать и петь Михаил Анчаров. Замечательная планка была установлена и покорена — и появилась тонкая лирика, написанная на высоком градусе социальности. Это и есть краевольное, это очень важно в особенной этой поэзии, которую слушают прежде, чем читают с листа.

И тем не менее. Лучшее, что написано в наших пределах о творчестве Окуджавы, о его неповторимости, о музыке его стихов, — это, пожалуй, были и остались статьи на конвертах его пластинок Евтушенко, Рассадина и Шилова. О других поющих поэтах, кроме Высоцкого, всерьез не написано почти ничего. А ведь это владельцы дум и душ очень многих культурных людей нашей страны, людей неравнодушных.

КСП — клубы любителей этой «самодельной» песни — породили не толь-

ЖАРЕННЫЙ ПЕТУХ БЕСПОКОИТ...

ко людей бряжущих (как описал Т. Р.), но и некую очень даже обаятельную группу населения: это архивариусы песни, те, кто собирает публикации о жанре. До последних двух лет эта работа была чем-то вроде золотоискательства — находки бывали редки и потому дороги. Сейчас о тех, кто поет под гитару, пишут вроде бы немало, но исключительно в форме очерка о незаурядной индивидуальности: кандидат — но с гитарой! Доктор — и в стихах мастак. Итак — любитель. Премилый — но любитель.

А ведь еще лет десять назад в МГУ, да и не только там, затевались и делались дипломные работы по темам, связанным с отечественной авторской песней. Но дальше дипломных работ молодые исследователи не шли — нехоткий это, наверное, непрестижный предмет, чтоб писать о нем всерьез во взрослой последипломной жизни.

Правда, однажды вышла «книжка» — тоненькая брошюрка под стыдливым названием «Наша самодеятельная песня». А потом — брошюрка чуть солиднее: «Авторская песня». Автор ее — журналист Б. Савченко — немало потрудился, отвоюя право именно так назвать свое детище. И все же это очень скромные попытки обозреть пространство в рамках «самодеятельная».

Ну, положим, есть еще дружеское расположение журнала «Аврора», упоминающего порой поэтическую песню в огромных хрониках бытия песни хаотической, читай — советского рока. Уже в течение полугодия ведет популяризаторскую работу «Неделя», есть пульсирующее внимание «Музыкальной жизни», ну и еще каких-нибудь нетривиальных изданий вроде «Экран — детям». (Я говорю об изданиях, освещающих профессиональную жизнь в нашей культуре и искусстве.)

Стало быть, написано про вас мало? И напечатано мало? А зато вас нынче ПОКАЗЫВАЮТ!

«Минуй нас пуще всех печалей...» Барская любовь ТВ к авторской песне обернулась для нас, пишущих и поющих свои стихи, тоже очень странно. Появление Булата Окуджавы на ТВ — сюрприз и праздник. Каким свежим ветром повеяло от экрана, где впервые во «Взгляде» живьем спел Юлий Ким! Новелла Матвеева, мне уж кажется, никогда не появлялась на экране. Один Владимир Высоцкий — это очень мало и не очень справедливо по отношению к живым поэтам, поющим свои стихи.

Зато создатели телепередач с участием «песни под гитару» с особой тщательностью отыскивают любительство и его-то выдают за образец. После этого многие считают: авторская песня «не та». А таксист Т. Р., прошедший огонь и воду любительства, так даже пишет об этом... А уже шагают, чеканя шаг, множатся числом поддельщики — мужественные лица, рыкающие голоса, рокочущие струны...

Но дайте же, дайте людям разобраться! Дайте песне прозвучать. Не даете, так хоть не морочьте людям голову, не выдавайте жалкий, стыдный самопал за фирму. Ни эти агрессоры, ни другие — сладкоголовые, нежнолицые, трогательно музизирующие и даже совместно с родителями — не имеют к той песне, о которой я беспокоюсь, ни малейшего отношения. Во всей этой истории моя персона занимает минимальное, причитаю-

зывает про все «запретное»? Про то самое, чем теперь полны все наши издания, — про расстрелы и погромы, про ложь и доносы, про драму эмиграции, наконец? Это ли не был голос в пору общего безгласия? Разве мы не слышали из этих песен уже 20—25 лет назад о «детях Арбата», разве не узнали в них «жизнь и судьбу»?

Скажу еще о смежном цехе — том, где работают Виктор Берковский, Сергей Никитин, Александр Дулов и Александр Суханов да и другие — словом, люди, пишущие музыку. Как же «не получается» писать на стихи Пастернака, Тарковского и других замечательных поэтов (это я уже по поводу другого выступления «ЛГ» — статьи Ю. Гладильщикова «Эпитафия? Какая по счету?» в номере от 6 апреля)? Сообщаю: получается! Уже сколько лет звучат песни Никитина на стихи Пастернака и Левитанского, Твардовского и Самойлова, песни Берковского на стихи Слуцкого, Тарковского и Сухарева, песни Дулова на стихи Гумилева и Рубцова, песни Суханова на стихи Анненского и Заболоцкого! И еще, еще... Этот фонд вообще огромен, эти песни слышали и слушают миллионы, уже и пластинки вышли! Почему же нельзя петь поэзию, когда можно и нужно! Побывала я в Польше — ну, конечно, там никто не подразделяет «авторская» или, там, «эстрадная». Но серьезно и уважительно говорят: он (она) поет поэзию.

В авторской песне работают поэты и рыцари поэзии. Не бьют себя гулко в грудь, не обижаются ни на кого за отсутствие престижных зарубежных гастролей... Нет этих комплексов, потому что все скомпенсировано — тысячами тысяч живых глаз на концертах. Кто поет десять, кто двадцать, а кто уже и тридцать лет в переполненных залах. Это — любители? Но редкая реплика в печати, дешёвая пародия с эстрады — вот и почти все знаки внимания. Это и прочее под дозволенным девизом «наша самодеятельная».

Не нужно снисходить. Напротив, авторская песня просит: предъявите к ней, пожалуйста, жесткий социальный счет, высокие требования к ее стихам, к нравственным ее принципам. Может, тогда все лишнее и отшелушится? Требования высоки — ну и пусть, хотя бы потому они нужны, что вот сейчас-сейчас в колоссальном нашем Ледовитом океане нарождается теплое течение молодой авторской песни. К слушателю готовятся выйти очень юные люди, но настоящие поэты — нежные и беспощадные, с обостренным слухом и зрением. Пора авторскую песню принимать всерьез.

Не про все сказала, не все имена назвала... Есть еще и Якушева, и Бачурин, и Кукин, и Дольский, и Егоров, и Клячкин, и еще сколько-то... Хотя не много, все равно не много.

Клюет меня, клюет, тревожит эта наша фольклорная птица. Ни экзотический, там, какой-нибудь альбатрос, ни павлин, там, неслыханный — все в порядке у авторской песни с признанием за рубежом. С авторитетом там у них все хорошо. Своя родная домашняя птица досаждает. Ну, и если развешивать аллегория с темой курятника — беспокоит и появление золотых, абсолютно не бьющихся и несъедобных яиц...

Авторская песня — не прекраснотушный голубоглазый расслабленный обыватель, может, кому-то и хотелось бы видеть ее такой... И не инфантильный юнец с мечущимся взором и неясной мыслью. Она — боец, старый боец, жилистый и упругий, с упрямым и насмешливым прищуром глаз, с большим опытом творческого выживания и продуктивной работы в очень нелегких условиях. И не надо ее поучать свысока и издали — лучше прийти разок-другой-третий на концерты. И познакомиться. И объясниться.

P. S. Дорогие товарищи таксисты, выпускники мехмата и других факультетов МГУ! Не можете ли вы авторской песне квалифицированным ее анализом, тонким пониманием этого хрупкого предмета, не ставшего пока объектом интереса нашей профессиональной критики? И давайте будем дружить.

Вероника ДОЛИНА